

плуатации, некоторые пережитки родо-племенного быта, семья и брак, некоторые пережитки домусульманских верований, игры и развлечения. Автору удалось очень четко показать социальные категории, характерные для дореволюционного общества кипчаков. Очень интересны примеры существовавших патриархальных семей (стр. 303, 304), хорошо освещен свадебный обряд, являющийся в целом вариантом общеузбекского свадебного ритуала, выявлены черты авункулата (стр. 309, 311, 312, 321, 323), реликты матрилокального брака (стр. 317, 321). Кратко, но отчетливо показаны пережитки шаманизма. Однако истолкование термина «бахши», как происходящего от тюркского «бокмок» (т. е. смотреть, лечить), не может быть принято. Общеизвестно, что этот термин санскритского происхождения.

Не касаясь здесь отдельных мелких недостатков, от которых не свободны рассмотренные главы, приходится сделать один существенный упрек автору книги — это недостаточная ясность и расплывчатость в толковании таких принципиально важных явлений, как род, родовая и общинная собственность (стр. 299, 301, 307).

Нельзя не высказать сожаление по поводу того, что в книге отсутствует карта расселения узбеков-кипчаков на территории Узбекистана, а также указатели (особенно этнических названий).

Оценивая в целом труд К. Ш. Шаниязова, видного узбекского этнографа, можно сказать, что он представляет собой крупный вклад в советскую этнографическую науку, обогащает ее оригинальным и фундаментальным исследованием. Огромный материал, относящийся к этнографической группе кипчаков в составе узбекской народности, поднятый и проанализированный автором, искусно применившим исторический подход к рассматриваемым явлениям, безусловно является ценнейшим источником для изучения этнической истории не только узбеков, но и ряда других тюркоязычных народов.

С. М. Абрамзон

Х. А. Аргынбаев. Казак халкындагы семья мен неке (тарихи-этнографиялык шолу). Алматы, 1973, 327 стр. [Х. А. Аргынбаев. Семья и брак у казахов (историко-этнографический обзор), на казах. яз.]

Проблемы семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана разработаны еще далеко недостаточно, хотя им посвящен ряд специальных исследований¹. Книга Х. А. Аргынбаева — первая монография по истории семьи и брака у казахов. Она написана на казахском языке, поэтому авторы данной рецензии старались по возможности более подробно осветить ее структуру и содержание. Монография базируется на разнообразных источниках: литературных (быт казахов, их обряды и обычаи широко отражены в историко-этнографической и краеведческой литературе XVIII—XX вв.), полевых этнографических исследованиях автора (им обследованы 12 из 17 областей Казахстана), документах, хранящихся в архивах, и фольклорных произведениях разных жанров. Обзор этих материалов, их критический анализ, а также определение задач исследования составляют содержание «Введения».

В первой главе «Дореволюционная семья и семейные отношения» рассматриваются формы семьи у казахов, право наследования, отношения между родственниками, система родства, обычаи усыновления и гостеприимства, положение женщины в семье, обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей, погребально-поминальные обряды. Наиболее важными и дискуссионными являются вопросы о формах семьи у кочевников, в том числе у казахов.

Х. А. Аргынбаев придерживается точки зрения, что у казахов, сформировавшихся как народность в XV—XVI вв., на протяжении всей их истории господствовала малая индивидуальная семья, которая, однако, несла в себе множество пережиточных элементов большой патриархальной семьи, поскольку появилась в результате разложения последней.

Считая большую патриархальную семью универсальным для всех народов социальным институтом, автор пытается определить время ее возникновения, развития и упадка у предков казахов. Полагая, что в среднеазиатско-казахстанском регионе процесс возникновения и дальнейшей эволюции большой патриархальной семьи шел относительно синхронно, Х. А. Аргынбаев обращается к исследованиям советских ученых (С. П. Толстова, А. Н. Бернштама, Н. А. Кислякова, С. М. Абрамзона и др.), разработавших эту проблему по народам Средней Азии.

¹ См., например: Н. А. Кисляков, Семья и брак у таджиков, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XLIV, М.—Л., 1959; его же, Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, Л., 1969; М. А. Бикжанова, Семья в колхозах Узбекистана, Ташкент, 1959; А. Джумагулов, Семья и брак у киргизов Чуйской долины, Фрунзе, 1960; А. Т. Бекмуратова, Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем, Нукус, 1969; С. М. Абрамзон, Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семьречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье, «Тюркологический сборник, 1972», М., 1973, стр. 287—305.

Ссылаясь на работы С. П. Толстова, Х. А. Аргынбаев утверждает, что большая патриархальная семья среди оседло-земледельческого населения древнего Хорезма возникла во II—III вв. н. э., а к середине I тысячелетия достигла наивысшего расцвета (стр. 26, 27). Однако у С. П. Толстова речь идет о появлении во II—III вв. и широком распространении в VI—VII вв. лишь замков-кешков, служащих обиталищем больше-семейной общины; о времени же возникновения самой большой патриархальной семьи у него ничего не сказано ².

Вслед за С. М. Абрамзоном ³ автор отмечает (стр. 28—32), что у кочевников Саяно-Алтая, Семиречья и Тянь-Шаня большая патриархальная семья возникла в VII—VIII вв. до н. э. и господствовала до середины I тысячелетия н. э., когда начался процесс ее разложения, завершившийся победой малой индивидуальной семьи в X—XI вв. Причина столь раннего распада большой патриархальной семьи у кочевников указанных областей, в том числе и у предков казахов, объясняется в книге ранним классовым расстройством кочевого общества. В силу этого, по мнению Х. А. Аргынбаева, в XV в., когда казахи выступили на историческую арену как самостоятельная народность, у них уже господствовала малая индивидуальная семья. Не считая возможным в небольшой рецензии вступать в дискуссию по вопросу о формах семьи у кочевников, отметим лишь, что археологи, на материалы которых в значительной степени опирается С. М. Абрамзон, пока еще не располагают достаточными данными для подобной, относительно точной, датировки смены различных форм семьи у кочевников указанного региона.

В качестве одного из веских доказательств господства большой патриархальной семьи в отмеченный выше период у предков казахов, как и у остальных кочевников-скотоводов Средней Азии, Х. А. Аргынбаев (стр. 28—32) вслед за С. М. Абрамзоном ⁴ приводит данные о наличии в начале XX в. у ряда кочевых народов Средней и Центральной Азии больших неразделенных семей, которые он считает пережитком больших патриархальных семей. Этот тезис требует, как нам кажется, разъяснений ввиду возможности существования различных причин происхождения неразделенных семей, сохранившихся в начале XX в.

Они действительно могли являться продуктом распада большой патриархальной семьи, что теоретически скорее следует ожидать у народов оседлых и полuosедлых, у которых процесс разложения таких семей затянулся на длительный срок из-за особенностей их хозяйственного уклада, требующего большого количества рабочих рук.

Не исключается также предположение, что неразделенные семьи были вторичным явлением, возникшим сравнительно недавно в связи с определенной социально-экономической ситуацией, сложившейся у данного народа или его группы. У кочевых народов такое явление могло возникнуть при обращении к земледелию или различным промыслам, т. е. при переходе к ведению комплексного хозяйства. Потребность в дополнительных рабочих руках в таких случаях приводила к объединению малых родственных семей или, во всяком случае, не стимулировала дробления семьи.

В свете сказанного выше факты, которые С. М. Абрамзон и Х. А. Аргынбаев относят к пережиточным формам большой патриархальной семьи, нельзя считать достаточно убедительными, поскольку большинство из них относится не к кочевому, а к полукочевому (каракалпаки, узбеки, часть туркмен) и даже оседлому (туркмены-нохурли) населению. Нам представляется, что полукочевников, основу экономики которых составляло комплексное хозяйство, нельзя безоговорочно отождествлять с кочевниками.

Весьма существенно также, что приведенные до кочевым народам конкретные примеры — С. М. Абрамзона по киргизам и Х. А. Аргынбаева по туркменам (со ссылкой на С. Н. Иомудского ⁵) относятся преимущественно к семьям богачей, которые вели комплексное хозяйство, сочетая скотоводство с земледелием (киргизы), или хозяйство которых имело товарное направление (туркмены). Без специального исследования трудно сказать, были ли эти неразделенные семьи богачей пережитком больших патриархальных семей или каким-то новым явлением, связанным с ростками предпринимательства. Не убеждают нас и ссылки на материалы Л. П. Потапова, ибо приведенные данные о неразделенных семьях относятся к северным алтайцам, в комплексном хозяйстве которых превалировал охотничий промысел, у южных же алтайцев-скотоводов, по свидетельству Л. П. Потапова, к началу XX в. от большой семьи сохранились лишь «слабые отголоски» ⁶.

² С. П. Толстов, Древний Хорезм, Опыт историко-археологического исследования, М., 1948, стр. 132, 151, 164.

³ С. М. Абрамзон, К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVIII, М., 1957, стр. 28—34; его же, Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, Л., 1971, стр. 211, 212.

⁴ С. М. Абрамзон, К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии, стр. 29, 30.

⁵ С. Н. Иомудский, О пережитках родового быта у скотоводов Западной Туркмении в XIX в., «Сов. этнография», 1962, № 4, стр. 55, 56.

⁶ Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1954, стр. 261, 262.

Положения автора о хронологических рамках возникновения и дальнейшей эволюции большой патриархальной семьи у кочевников в целом являются спорными. Если в этой части своего труда он основывается на выводах предшественников, то при рассмотрении казахской семьи более позднего времени Х. А. Аргынбаев выступает как вполне самостоятельный исследователь. Основной его вывод о господстве малой индивидуальной семьи у казахов подкреплен здесь обильным фактическим материалом. Особенно убедительным аргументом в пользу этого положения является существование *ениши* — доли отцовского имущества, которую каждый из сыновей мог получить, согласно обычному праву, при выделе из отцовского хозяйства (что обычно происходило после женитьбы). Х. А. Аргынбаев во время полевых исследований опросил 78 стариков — знатоков родословных своих семей (знавших от 8 до 17 поколений предков). Все они в один голос утверждали, что не слышали о существовании больших семей и, что согласно семейным преданиям, восходящим к восьми и более поколениям предков, сыновья всегда отделились от отцовского очага в самостоятельные ячейки, получая предусмотренную обычным правом долю — *ениши*.

Автор справедливо отмечает, что в различных социальных слоях причины выдела женатых сыновей были различными. В конечном итоге причина выделов кроется, по мнению автора, в особенности кочевого хозяйства. Это положение представляется нам узловым моментом при решении проблемы эволюции форм семьи у кочевников.

Во второй главе книги «Формы заключения брака, свадьба и связанные с ней обычаи и обряды в дореволюционный период» рассматриваются разнообразные вопросы, связанные со вступлением в брак: возраст вступающих в брак, экзогамные и религиозные запреты, формы заключения брака (младенческийговор, сватовство, левира́т, сорорат). Свадебному циклу автор посвящает три раздела. Эта глава, написанная ярко и увлекательно, содержит интересные бытовые подробности из жизни казахов дореволюционного периода (например, о правах женщин при левира́тных и сороратных браках), свидетельствующие о приспособляемости древних по происхождению институтов к различным уровням социально-экономического развития общества, в частности патриархально-феодалным отношениям, которые господствовали у казахов вплоть до революции.

Много сведений о свадьбе и комплексе свадебных обычаев и обрядов казахов приводится в трудах дореволюционных авторов. Все они обобщены и в известной мере интерпретированы Н. А. Кисляковым⁷. Тщательное изучение уже имеющихся в литературе материалов и проведение полевых исследований дало Х. А. Аргынбаеву возможность значительно расширить существующие представления о комплексе свадебных обрядов и обычаев у казахов и сделать ряд дополнений и уточнений.

Сводное описание свадебного ритуала казахов начала XX в., сопровождаемое историко-этнографическим анализом каждой церемонии, позволило автору прийти к выводу о том, что этот ритуал в целом отличается значительным единообразием на всей обширной территории Казахстана. Некоторые особенности, отмеченные Х. А. Аргынбаевым в свадебных обрядах отдельных групп казахов, не меняют общей картины, свидетельствующей в конечном итоге о значительной общности этнических компонентов.

Х. А. Аргынбаев впервые обратил внимание на ряд моментов казахской свадьбы, анализ которых позволяет по-новому осветить некоторые стороны истории семейно-брачных отношений и историю формирования комплекса свадебных церемоний у казахов. Своёобразием пониманием автором одного очень интересного звена в цепи свадебных церемоний казахов — так называемого *урын бару*. В современной литературе укрепилось мнение, что *урын бару* — это тайная встреча жениха и невесты, происходившая в предсвадебный период. Х. А. Аргынбаев же считает *урын бару* первым официальным визитом жениха к невесте (когда они впервые виделись друг с другом). Визит этот сопровождался особым ритуалом и даже имитацией первой брачной ночи. После него жених мог встречаться с невестой вплоть до самой свадьбы. Последующие встречи, проходившие в относительной тайне, носили название *калындык ойнау*.

В сообщениях авторов XVIII—XIX вв. наблюдается разноречивость в описаниях церемониала досвадебных встреч жениха и невесты, что, видимо, определялось изживанием этого звена свадебного обрядового комплекса у казахов. Эти различия отразились на толковании данного звена брачных церемоний современными исследователями. Таким образом, Х. А. Аргынбаев внес ясность в последовательность различных моментов этого этапа добрачных церемоний и уточнил их названия.

Х. А. Аргынбаев предложил новую расшифровку термина *урын* — от древнетюркского *урун* в значении «приникать, прижиматься» (стр. 190), что в известной мере раскрывает содержание происходящих событий. В целом *урын бару*, *калындык ойнау* и связанные с ними церемонии автор интерпретирует как пережиток матрилокального брака (стр. 199). Произведенный Х. А. Аргынбаевым анализ литературных источников и новых полевых материалов подтвердил мысли А. Максимова относительно описанного выше звена традиционного свадебного церемониала казахов⁸, а также выводы:

⁷ Н. А. Кисляков, Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, Л., 1969.

⁸ А. Максимов, Из истории семьи у русских инородцев, «Этнографическое обозрение», М., 1902, № 1, стр. 59.

Н. А. Кислякова⁹, С. М. Абрамзон¹⁰ и других, изучавших аналогичные элементы свадебных обрядов у народов среднеазиатско-казахстанского региона. Этот вывод представляется нам вполне убедительным, поскольку указанные обряды, хотя и совершались после частичной выплаты калыма, но происходили только в доме невесты, и участвовали в них в основном ее родственники.

Интересно приведенное в книге объяснение обычая, согласно которому отец невесты давал ей в качестве приданого юрта свадебную юрту. В литературе широко распространено мнение, что свадебная юрта целиком приобреталась родителями невесты, в связи с чем этот обычай рассматривался как пережиток матрилокального брака. Однако у казахов, как выяснил автор, половину войлочного покрывала, купольный круг и дверные косяки готовил отец жениха. Последнее Х. А. Аргынбаев справедливо связывает с господством патриархальных отношений. Переплетение обычаев и обрядов, отражающих различные исторические этапы в развитии семейно-брачных отношений, — характерная черта свадебной обрядности в целом, что отчетливо прослеживается и на казахском материале.

В третьей главе «Калым и приданое» рассмотрены размеры и состав калыма и приданого, а также обычаи, которые сопровождают эти явления быта. Подробный анализ этих институтов семейно-брачного права у казахов убедил автора в правильности точки зрения М. О. Косвена на то, что калым — эта плата за невесту; возникновение его связано с эпохой разложения первобытнообщинного строя. В последующем формы калыма эволюционировали в связи с изменением социально-экономических отношений. Х. А. Аргынбаев убедительно опровергает точку зрения некоторых исследователей, считающих калым компенсацией стоимости приданого. По его мнению, компенсацией является получаемый женихом от своих родителей *енши*. Как и приданое, *енши* — это помощь родителей молодоженам на обустройство хозяйством, и возник он, подобно приданому, на более поздней, чем калым, стадии развития семейно-брачных отношений.

Четвертая глава «Современные семейно-брачные отношения» посвящена характеристике современных форм семьи и брака у казахов, а также обычаям и обрядам, связанным со вступлением в брак. Здесь автор прослеживает, как в процессе социалистического строительства и революционного преобразования быта формировалась новая советская семья у казахов. Большое внимание Х. А. Аргынбаев уделяет вопросам изживания и трансформации старых обычаев и обрядов и становлению новой семейной обрядности. Он выделяет несколько периодов в процессе формирования нового семейно-бытового уклада и новой семейной обрядности. Так, в 20-е годы семейная обрядность фактически сохраняла свои прежние формы: в годы коллективизации и Отечественной войны она значительно упростилась; в послевоенный период развились многие положительные народные традиции и сложились новые обычаи и обряды. Автором выделено три разновидности новых свадеб. Одна из них представляет собой упрощенный вариант старинной свадьбы; в ней сохранились традиционное построение, а также многие обычаи и обряды, но изжиты моменты, не соответствующие современным социальным условиям, — калым, религиозный обряд бракосочетания и др. Вторая разновидность — комсомольские свадьбы, справляемые в сельских клубах и дворцах культуры; в комсомольских свадьбах традиционные свадебные обычаи мало сохранились; не много традиционных черт содержит и третья разновидность новой свадьбы — студенческая свадьба. Присутствуют и родители, и друзья молодоженов. Для родственников и односельчан свадебные вечера устраиваются уже значительно позже — во время посещения молодыми родительского дома.

Книга дает полное представление об истории семьи и брака, свадебных обычаев и обрядов у казахского народа. Выводы автора интересны и для более широких обобщений; например, процесс формирования новых семейно-бытовых традиций, семейной обрядности, у казахов протекает в целом так же, как и у других народов среднеазиатско-казахстанского региона и всех народов СССР вообще.

Книга Х. А. Аргынбаева — интересное исследование, восполняющее пробел в историографии по вопросам семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Простота и ясность изложения, образность языка, насыщенность фольклором (особенно пословицами) делают книгу доступной и интересной широкому кругу читателей.

Б. Х. Кармышева, Н. П. Лобачева

⁹ Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. М.—Л., 1959, стр. 214—216.

¹⁰ С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, стр. 228.